К. Бальмонтъ

Пѣсни Мстителя

Гнѣвъ, [illegible]

[illegible]

[illegible]

К. БАЛЬМОНТЪ.

ПѢСНИ МСТИТЕЛЯ.

Гнѣвъ, шорохъ листьевъ древесныхъ, онъ, нашептываетъ, онъ рукоплещетъ, онъ сочетаетъ, единитъ.

Майя.

ПАРИЖЪ.
1907.

РУДА.

Широки и глубоки
Рудожелтые пески.
Въ мірѣ, жертвенно, всегда,
Льется, льется кровь-руда.

Въ мѣдномъ небѣ свѣта нѣтъ.
Все же вспыхнетъ молній свѣтъ,
И желѣзная броня
Приметъ бой, въ грозѣ звеня.

Бой за вольное житье
Грянулъ. Сломано копье.
И кольчуга сожжена.
А Свобода, гдѣ она?

Дверь дубовая крѣпка.
Кто раскроетъ зѣвъ замка?
Сжаты челюсти Змѣи,
Свиты звенья чешуи.

И пустынно-широки
Рудожелтые пески.
И безмѣрно, какъ вода,
Льется, льется кровь-руда.

ВѢСТНИКИ.

На высотѣ звѣзда космата
Грозила намъ ужь много лѣтъ.
И видимъ: Братъ возсталъ на брата,
Ни въ чемъ увѣренности нѣтъ.

Лучи косматой кровецвѣтны,
Они отравны для сердецъ.
Всѣ тѣ, что были непримѣтны,
Теперь возстали наконецъ.

И рыбаки, забросивъ сѣти,
Нашли, что тамъ дитя-уродъ.
Ожесточились даже дѣти,
Рука ребенка ножъ беретъ.

И рыбаки, забросивъ сѣти,
Со страхомъ видятъ: вновь уродъ.
Теперь приливъ десятилѣтій
Намъ много страховъ принесетъ.

Въ сгущенной мглѣ звѣзда космата
Зажжетъ безчисленность кометъ.
Пришла жестокая расплата,
Дрожите всѣ, въ комъ чести нѣтъ.

РЖАВЧИНА.

Ржавчина, кровь, и огонь,
Тайна какая въ васъ скрыта?
Тише, ретивый мой конь.
Жди. Замелькаютъ копыта.

Я приготовилъ стилетъ.
Въ сердцѣ — играющій пламень.
Ржавчины болѣе нѣтъ.
Грянетъ подкова о камень.

Брызнетъ изъ камня огонь.
Дрогнутъ посѣвы полыни.
Ржавчина, сердце не тронь.
Конь, какъ мы вольны въ пустынѣ!

ЛЕТУЧІЯ МЫШИ.

Летучія мыши снуютъ,
Свѣтъ факеловъ ихъ испугалъ.
Расторгнутъ ихъ душный пріютъ,
Трепещетъ ихъ цѣпкій кагалъ.

Отвратенъ бѣсовскій ихъ видъ,
Шуршитъ нависающій рой.
Сорвется одна, полетитъ,
Качнутся незрячей гурьбой.

Очертятъ невѣрнымъ крыломъ
Два круга — и въ плѣсень опять.
Весь міръ имъ сошелся угломъ,
Имъ дальше угла не видать.

Трусливо сплетается рой,
За мышь прицѣпляется мышь.
И вновь разорвался ихъ строй.
Ну, дьяволъ, куда полетишь?

Свѣтъ факеловъ, какъ ты хорошъ.
Смотри: одурѣли враги.
Сильнѣй и сильнѣй ихъ тревожь,
Вспугни ихъ — и вовсе сожги!

ЕСЛИ ХОЧЕШЬ.

Если хочешь смести паутину,
Такъ смотри и начни съ паука.
Если хочешь ты вырубить прорубь, исторгни тяжелую льдину,
Если хочешь ты пѣсню пропѣть, пусть же будетъ та пѣсня звонка.
Если хочешь, живи. Если жь въ жизни лишь тюрьмы и стѣны,
Встань могучей волной, и преграду стремленьемъ разбей.
Если жь стѣны сильнѣй, разбросайся же кружевомъ пѣны,
Но живешь, такъ живи, и себя никогда не жалѣй.

ПРЯЖА - ПЛАМЯ.

Три сестры мы, три сестры мы,
Три.
Тамъ, вездѣ—пожары, дымы?
Ты, что младшая, смотри.
Люди стали слишкомъ злыми,
Нужно жечь ихъ—до зари.

Ты, что средняя, скорѣе
Пряжу приготовь.
Я, что всѣхъ изъ васъ старѣе,
Я сочла людскую кровь.
Капли—числа. Числа, рдѣя,
Пляски чиселъ жаждутъ вновь.

Пляски быстры, ткани ярки,
Узелъ, нить.
Да, мы парки, парки, парки,
Въ ткань огонь сумѣемъ свить.
Пряжа—пламя, нити—жарки,
Жги, крути ихъ, ненавидь.

НАШЪ ЦАРЬ.

Нашъ Царь—Мукденъ, нашъ Царь—Цусима,
Нашъ Царь—кровавое пятно,
Зловонье пороха и дыма,
Въ которомъ разуму—темно.

Нашъ Царь—убожество слѣпое,
Тюрьма и кнутъ, подсудъ, разстрѣлъ,
Царь-висѣльникъ, тѣмъ низкій вдвое,
Что обѣщалъ, но дать не смѣлъ.

Онъ трусъ, онъ чувствуетъ съ запинкой,
Но будетъ, часъ расплаты ждетъ.
Кто началъ царствовать—Ходынкой,
Тотъ кончитъ—ставъ на эшафотъ.

ЦАРЬ-ЛОЖЬ.

Народъ подумалъ: Вотъ—заря.
Пришелъ тоскѣ конецъ.
Народъ пошелъ — просить Царя.
Ему въ отвѣтъ — свинецъ.

А, низкій деспотъ! Ты навѣкъ
Въ крови, въ крови теперь.
Ты былъ ничтожный человѣкъ,
Теперь ты грязный звѣрь.

Но кровь рабочаго взошла
Какъ колосъ передъ нимъ.
И задрожалъ приспѣшникъ зла
Предъ колосомъ такимъ.

Онъ красенъ, нѣтъ ему серпа,
Обломится любой.
Гудятъ колосья какъ толпа,
Ростетъ колосьевъ строй.

И каждый колосъ—острый ножъ,
И каждый колосъ—взглядъ.
Нѣтъ, Царь, теперь не подойдешь,
Нѣтъ, подлый Царь, назадъ.

Ты насъ теперь не проведешь
Девятымъ Января.
Ты Царь, и значитъ весь ты ложь,
И мы сметемъ Царя!

СЛИТНЫЙ ГОЛОСЪ.

А мы и не ходили
Просить кого-нибудь.
А мы и не просили,
Болѣла очень грудь.
Богъ въ правдѣ, а не въ силѣ.
Мы ждемъ. Есть путь. Есть путь.

Хоть дологъ путь терпѣнья,
Пробитымъ тѣмъ путемъ
Придетъ освобожденье.
Земли! Землицы ждемъ.
Намъ видѣлось видѣнье.
Привыкли мы притомъ.

Къ намъ голодъ то и дѣло,
Сказали—недородъ.
Совсѣмъ мы спали съ тѣла,
Кривится, проситъ ротъ.
Просить-то намъ несмѣло,
Такой ужь мы народъ.

Идетъ къ намъ лихорадка,
Ползетъ къ намъ оспа, тифъ.
И такъ живемъ. Не сладко.
Домишко косъ и кривъ.
Но ждемъ. Придетъ разгадка.
Нашъ разумъ терпѣливъ.

Измаялась старуха:—
Дошло, хоть въ гробъ клади.
Серчаетъ молодуха:—
Что будетъ впереди?
Но бьется сердце глухо:—
Придутъ къ намъ. Погоди.

Пришли. Пришло. Недаромъ
Мы ждали сто годовъ.
Пришелъ къ намъ Бѣсъ—съ пожаромъ.
Прислали—казаковъ.
Потѣшились надъ старымъ:—
Ложись. Ты что? Готовъ?

Готовъ, мои кормильцы.
И тѣломъ и душой.
Готовъ, мои поильцы.
Вотъ гробъ, старуха, твой.
Готовъ, мои кормильцы.
Молодка, пѣсню спой.

Молъ, сердце не обманетъ:—
Готовъ такъ ужь готовъ.
Темно? Такъ Солнце глянетъ.
Темно? А свѣтъ громовъ!
Свѣтло повсюду станетъ
Отъ красныхъ пѣтуховъ.

Пропой, что ихъ радѣнье—
Намъ ласка, въ добрый часъ.
Мы видѣли видѣнье,
И вѣренъ вѣщій глазъ.
Придетъ освобожденье
Для насъ—и черезъ насъ!

НАРЫВЪ.

Самодержавіе разорвано, разбито,
Ему приходится къ разбойникамъ взывать.
Но мути мерзостной еще довольно скрыто,
Гнойникъ насилія все жь будетъ нарывать.

Царь губошлепствуетъ. Въ дворцѣ его—громила,
Кричащій съ наглостью: Патроновъ не жалѣть.
Другой холопъ, понявъ, что Пролетарій, сила—
Лопочетъ: Братцы, стой. Я вамъ готовлю—клѣть.

О, мерзость мерзостей! Распадъ, зловонье гноя.
Нарывъ уже набухъ, и, пухлый, ждетъ ножа.
Тѣснѣй, товарищи, сплотимтесь всѣ для боя,
Ухватимъ этого колючаго ежа.

Его колючки—штыкъ, его колючки—пули,
Его ухватка—ложь, фальшивыя слова.
Но голосъ Вольности ростетъ въ безмѣрномъ гулѣ: —
Прочь, старое гнилье! Пусть будетъ Жизнь жива!

ЗВѢРЬ СПУЩЕНЪ.

Звѣрь спущенъ. Вотъ она, потѣха
Разоблаченныхъ палачей.
Звѣриный ликъ. Раскаты смѣха.
Звѣриный голосъ: Бей! Бей! Бей!

И вдоль по всей Россіи, снова,
Взметнулась, грязная всегда,
Самодержавія гнилого
Разсвирѣпѣвшся орда.

Ударъ могучій Общей Стачки
Ихъ выбилъ вонъ изъ колеи.
Добычи нужно имъ, подачки
Отъ ихъ Романовской семьи.

Чужое нужно паразитамъ,
Свобода—гадамъ не подстать.
И вотъ они, своимъ синклитомъ,
Спустили Звѣря погулять.

Но мы не спимъ, мы четко видимъ,
Борцовъ Возстанія не счесть.
И тѣхъ, кого мы ненавидимъ,
Въ свой должный мигъ постигнетъ месть.

Гуляй же, Звѣрь Самодержавья,
Являй всю мерзостность для глазъ.
Навѣкъ окончилось безправье.
Ты осужденъ. Твой пробилъ часъ.

ПЕРЕКЛИЧКА ГЕРОЕВЪ.

Товарищи-герои
Зачахшаго Царя,
Въ великомъ неспокоѣ,
Сошлися въ лѣтнемъ зноѣ,
И сѣли, говоря:—
„Товарищи-герои,
Намъ равныхъ въ свѣтѣ нѣтъ,
Мы въ мірѣ—громъ побѣдъ.
А разъ бѣда настала,
Добычи стало мало,
Обсудимте предметъ,
Найдемъ дырѣ затычку.
Начнемте жь перекличку,
Составимте совѣтъ.“
„Ты кто?“—„Я объѣдало.
Я ѣсть всегда готовъ,
Ѣмъ сразу семь быковъ,
И все утробѣ мало.
Съѣмъ триста пироговъ,
И щелкаю зубами.
Хватаю хлѣбъ снопами.
У лошадей овесъ, —
Имъ сытость не пристала, —
Схвачу, съѣмъ цѣлый возъ.
Иду къ коровамъ. Мало!“
Прислужники Царя
Пропѣли хоромъ: „Слава!

Ты мыслишь нелукаво,
Столь просто говоря."
„А ты кто?" — „Опивало.
Припѣвъ мой тоже — „Мало".
Дай бочекъ сто вина,
Мнѣ шутка въ томъ одна."
Прислужники запѣли:
„Ну, что же, въ самомъ дѣлѣ,
Напали мы на слѣдъ,
Наладился совѣтъ.
Чего же мы робѣли?"
„А ты кто?" — „Скороходъ.
Одна нога на морѣ,
Какъ по суху идетъ,
Другая на просторѣ
Чужихъ полей и рѣкъ,
Я быстрый человѣкъ,
Умѣю подвигаться.
Наставлю пушекъ въ рядъ,
И ни одинъ зарядъ
Не выпущу, — что̀ драться!
Кто можетъ подвигаться,
Тотъ между двухъ морей
Всѣ пушки, какъ игрушки
Для маленькихъ дѣтей,
Оставитъ на опушкѣ,
Самъ въ лѣсъ, бѣжать, скорѣй.
Вѣдь бѣгали и Боги.
Хвалите жь эти ноги.
Я дивный Скороходъ,
И кто меня пойметъ!"
Его никто не понялъ,
Но разумѣли всѣ,
Онъ рѣчью всѣхъ ихъ пронялъ.
О, рѣчь, въ ея красѣ!
И длилась перекличка.
„А ты кто?" — „Я Стрѣлокъ.

Я птичка-невеличка,
Но въ самый краткій срокъ,
Кто думать смѣлъ и могъ,
Тотъ думать перестанетъ,
Да, ноги онъ протянетъ,
Не такъ, какъ Скороходъ,
И всякъ меня пойметъ,
Смутьянить перестанетъ.
Смутьянить перестанетъ."
Прислужники Царя
Стрѣлка завеличали,
Стрѣлка они качали,
Съ утѣхой говоря:
„Какой намъ ждать печали?
„А ты кто?" — „Чуткій я.
Подслушивалъ съ пеленокъ.
Вся въ этомъ жизнь моя.
Мой слухъ такъ дивно тонокъ,
Что слышу даже то,
Чего не зналъ никто.
Разслышу черезъ стѣны,
Проникну черезъ лбы.
Никто своей судьбы
Не минетъ въ мигъ измѣны.
Дрожите же, рабы,
Мой перстъ вамъ списки пишетъ.
Не мыслишь ты сейчасъ,—
Возмыслишь черезъ часъ.
Но Чуткій чутко слышитъ: —
Заранѣе, впередъ."
Ахъ, умъ—какъ сладкій медъ!
Герои ликовали,
Провѣрили печали,
Распутана бѣда.
Но скудно пировали:—
Есть деньги не всегда.
Но имъ за трудъ награда

Должна же быть. Такъ надо.
И вотъ, идя ко сну,
Рѣшилъ синклитъ, подумавъ:
„Теперь—у толстосумовъ
Пощупаемъ мошну."

РУССКОМУ ОФИЦЕРУ.

Грубый солдатъ! Ты еще не постигъ,
Кому же ты служишь лакеемъ?
Ты сопричислился—о, не на мигъ!—
Къ подлымъ, къ безчестнымъ, къ злодѣямъ.

Я тебя видѣлъ въ расцвѣтѣ души,
Встрѣчалъ тебя вольно-красивымъ.
Низкій! Какъ палъ ты! Въ трясинѣ! Въ глуши!
Трупъ ты, во гробѣ червивомъ.

Кровью ты залилъ свой жалкій мундиръ.
Душою ты въ пропасти темной.
Проклятъ ты. Проклятъ тобою весь міръ.
Нечисть! Убійца наемный!

ДѢВА-ОБИДА.

Дѣва Обида, Лебединыя крылья,
Восплескала крылами надъ Дономъ,
Потому что Донскіе казаки суть духи насилья,
Ихъ имя, что гордостью было, нынѣ слито,
как съ эхомъ, со стономъ.

Ихъ имя, что знаменемъ было лихого задора,
Уродливымъ сдѣлалось знакомъ хлыста,
Кличемъ безпутнаго звѣрства, позора,
Въ немъ душевная грязь, нищета.

Казакъ означалъ молодца удалого,
А нынѣ казакъ есть наемный палачъ.
О, Дѣва Обида, надъ Дономъ промчи это слово,
Казацкая мать, ты надъ сыномъ продажнымъ восплачь.

НЕИСТОВОЕ ВОИНСТВО.

Неистовое воинство набѣговъ грозовыхъ
Живетъ въ сознаньи прадѣдовъ, какъ полнозвучный ст ихъ

Все въ рокотахъ, все въ молніяхъ, въ разметанностяхъ
тучъ,
Налетъ его зиждителенъ, набѣгъ его пѣвучъ.

Индусы намъ повѣдали, какъ Рудра, царь вѣтровъ,
Стада сгоняетъ пышныя, средь облачныхъ луговъ.

Утонченники Мексики, средь грозовыхъ полей,
Кветцалькоатля видѣли, что былъ Перистый Змѣй.

Бойцамъ во имя Одина въ Валгаллѣ быть дано,
Среди валькирій пиршество навѣкъ тамъ суждено.

Вотанъ, съ Германской музыкой, лелѣя слухъ и взоръ,
Со свитою проносится къ уступамъ темныхъ горъ.

Славяне тоже вѣдали напѣвъ и громы струнъ,
Стрибогъ имъ вѣялъ стрѣлами, имъ гулъ металъ Перунъ

Всѣ воинства неистовы набѣговъ грозовыхъ,
Славянскихъ странъ, моей страны, и всякихъ странъ
иныхъ.

Имъ подражали воинства реальныхъ словъ и дѣлъ,
Напѣвы имъ звенящіе Поэтъ неразъ пропѣлъ.

О, горе! Только воинство Россіи нашихъ дней
Лишь подлостью прославилось наемныхъ палачей!

БУДТО БЫ РОМАНОВЫМЪ.

Ослабѣли Романовы. Давно ихъ пора убрать.
Слова Костромского мужика.

Были у насъ и Цари, и Князья.
Правили. Правили разно.
Ты же, развратныхъ ублюдковъ семья,
Правишь вполнѣ безобразно.

Даже не правишь. Ты просто Бэдламъ,
Злой, полоумно-спѣсивый.
Домъ палачей, историческій срамъ,
Глупый, бездарный, и лживый.

Былъ въ оны годы безумный Иванъ,
Былъ онъ чудовищно-ликимъ,
Самоуправствомъ кровавымъ былъ пьянъ,
Все жь былъ онъ грозно-великимъ.

Былъ онъ бѣсовской мечтой обуянъ,
Дьяволамъ былъ онъ игрушка:—
Этотъ, теперешній, лишь истуканъ,
Маріонетка, Петрушка.

Былъ въ оны годы, совсѣмъ идіотъ,
Ликомъ уродливый, Павелъ,
Кукла-солдатикъ—но все же и тотъ
Лучшую память оставилъ.

Павла предъ нынѣшнимъ нужно цѣнить,
Павелъ да будетъ восхваленъ:—
Онъ не тянулъ свою гнусную нить,
Быстро былъ созданъ имъ Паленъ.

Этотъ же, мерзостный, съ лисьимъ хвостомъ,
Съ пастью, приличною волку,
Къ миру людей закликаетъ,—притомъ
Грабитъ весь міръ втихомолку.

Грабитъ, кощунствуетъ, ежится, лжетъ,
Жалко скулитъ, какъ щенята.
Вы же, ублюдки, придворный оплотъ,
Славите добраго брата.

Будетъ. Окончилось. Видимъ васъ всѣхъ.
Вамъ приготовлена плаха.
Грѣхъ исказнителей—смертный есть грѣхъ.
Ждите же царствія Страха!

НИКОЛАЮ ПОСЛѢДНЕМУ.

Ты грязный негодяй съ кровавыми руками,
Ты зажиматель ртовъ, ты пробиватель лбовъ,
Палачъ, въ уютности сидящій съ палачами,
Подъ тѣнью висѣлицъ, надъ сонмами гробовъ.

Когда жь придетъ твой часъ, отверженецъ Природы,
И страшный духъ темницъ, наполненныхъ тобой,
Возстанетъ облакомъ, уже ростущимъ годы,
И броситъ молнію, и прогремитъ Судьбой.

Ты долженъ быть казненъ рукою человѣка,
Быть можетъ собственной, привыкшей убивать,
Ты до чрезмѣрности душою сталъ калѣка,
Подобнымъ жить нельзя, ты гнусности печать.

Ты осквернилъ себя, свою страну, всѣ страны,
Что стонутъ подъ твоей уродливой пятой,
Ты карликъ, ты Кощей, ты грязью, кровью пьяный,
Ты долженъ быть убитъ, ты сталъ для всѣхъ бѣдой.

Природа выбрала тебя для завершенья
Всѣхъ богохульностей Романовской семьи,
Послѣдышъ мерзостный, ползучее сцѣпленье
Всѣхъ низостей, умри, позорны дни твои.

СЛОВО И ДѢЛО.

„Слово и Дѣло“—вашъ кличъ противъ насъ.
Что жь, мы достойно васъ встрѣтимъ.
Мы на миганія вражескихъ глазъ
Словомъ и дѣломъ отвѣтимъ.

Въ душу людскую дороги вамъ нѣтъ.
Можете мучить лишь тѣло.
Дѣлайте жь черное,—будетъ въ отвѣтъ
Красное Слово и Дѣло!

ПОСЛѢДНІЙ ЗОВЪ.

Теперь, когда идетъ рѣзня,
И жадны руки у злодѣя,
О, братья, слушайте меня,
Сомкнемтесь всѣ, дружнѣй, тѣснѣе.

Мы можемъ вѣрить лишь себѣ,
Составимъ тѣсную дружину,
Да будетъ каждый мигъ въ борьбѣ,
Разгонимъ мракъ, разгонимъ тину.

Мы будемъ слиты всѣ въ одно,
Вооружимся поголовно,
Вокругъ враговъ сомкнемъ звено,
Убійцъ — низложимъ хладнокровно.

У нихъ въ отвѣтъ на слово—кнутъ,
Они — свирѣпыя собаки,
За черносотенцемъ идутъ
Съ своей винтовкою казаки.

Еще имъ нравится игра
Въ Народъ-слѣпецъ съ Монархомъ-воромъ,
И называютъ шулера
Крикъ сердца празднымъ разговоромъ.

Такъ пусть же разумъ звѣрю мститъ,
И если нѣтъ иного хода,
Я возвѣщаю динамитъ
Во имя вольности Народа.

ВОЛЧЬЕ ВРЕМЯ.

Я смотрю въ родникъ старинныхъ нашихъ словъ,
Тамъ провидѣнье глядится въ глубь вѣковъ.
Словно въ зеркалѣ, въ дрожаніи огней,
Рѣчь старинная — въ событьяхъ нашихъ дней.

Волчье время — съ ноября до февраля.
Ты растерзана, родимая земля.
Волколаки и вампиры по тебѣ
Ходятъ съ воемъ, нѣтъ и мѣры ихъ гурьбѣ.

Что ни встрѣтится живого — пища имъ,
Ихъ дорога — трупы, трупы, дымъ, и дымъ.
Что ни встрѣтится живого — загрызутъ.
Гдѣ же есть на нихъ управа — правый судъ?

Оболгали, осквернили все кругомъ,
Цѣлый край — одинъ сплошной кровавый комъ.
Съ ноября до февраля былъ волчій счетъ,
Съ февраля до коихъ поръ другой идетъ?

Волчьи души, есть же мѣра наконецъ,
Слишкомъ много было порвано сердецъ.
Слишкомъ много было выпито изъ жилъ
Крови, крови, кровью міръ вамъ послужилъ.

Онъ за службу ту отплатитъ вамъ теперь,
Въ крайній мигъ и агнецъ можетъ быть какъ звѣрь.
Въ вѣщій мигъ предѣльно глянувшихъ расплатъ
Съ вами травы какъ ножи заговорятъ.

Есть для оборотней страшный оборотъ,
Казнь для тѣхъ, кто перепуталъ всякій счетъ.
Волчье время превратило всѣхъ въ волковъ,
Волчьи души, зубъ за зубъ, вашъ гробъ готовъ.

КЪ ОСТЫВШИМЪ.

Ненавистны мнѣ враги.
Но друзья отвратны вдвое,
Если, крикнувъ „Помоги“,
Если, крикнувъ „Здѣсь враги“,
Я увижу ликъ ихъ соннымъ въ преждевременномъ покоѣ.

Сладость—ненависть къ врагу,
Радость — жизнь отдать для мщенья.
Но жестоко—не могу—
Къ другу, къ другу, не къ врагу,
Вдругъ почувствовать не дружбу, а послѣднее презрѣнье.

СЛѢПЦЫ.

Одинъ слѣпецъ ведетъ другого,
И въ безобразіи своемъ,
Кривымъ путемъ,
Глупецъ глупца,
Слѣпецъ слѣпца,
Впередъ уводитъ безъ конца.

Ты понимаешь это слово?

Поднявъ глаза, раскрывши рты,
Поднявъ глаза свои слѣпые,
На ощупь въ царствѣ темноты,
Кроты, кроты,
Они ползутъ, скрипятъ,—ихъ выи
Надменны,—полны срамоты
Ихъ неуклюжія движенья,—
Они—одно, они—сцѣпленье,
Уродство самоослѣпленья.

Убогость эту понялъ ты?

НАЧИСТОТУ.

Кто не вѣритъ въ побѣду сознательныхъ смѣлыхъ Рабочихъ,
Тотъ играетъ въ безчестно—двойную игру.
Онъ чужое беретъ, на чужое довольно охочихъ,
Онъ свободу беретъ, обагренную кровью Рабочихъ,
Что жь, бери, всѣмъ она, но скажи: „Я чужое беру."

Да, Свобода для всѣхъ, навсегда, и однако жь вотъ эта
Свобода,
И однако жь вотъ эта минута—не комнатныхъ душъ,
Не болтливыхъ, трусливыхъ, а смѣлыхъ изъ бездны
Народа,
Эта Воля ухвачена съ бою, и эта Свобода
Не застольная рѣчь краснобая, не жалкій извилистый ужъ.

Это кровь, говорю я, посмѣвшихъ и вставшихъ Рабочихъ,
И теперь, кто не съ ними, тотъ шулеръ, продажный, и
трусъ.
Этихъ мирныхъ, облыжно-культурныхъ, мишурныхъ, и
прочихъ
Я зову: „Старый соръ." И во имя возставшихъ Рабочихъ
Васъ сметутъ. Въ этомъ вамъ я, какъ голосъ Прилива,
клянусь!

СТРАШНЫЙ СРОКЪ.

(Москва, 13 ноября, 1905).

Онъ близится, безумно-страшный срокъ,
Зовущійся Девятымъ Января.
Зловѣщихъ дней ростетъ потокъ.
Свершится ль все, что должно, въ краткій срокъ?
Мы свергнемъ ли преступнаго Царя?
Мы правы ли, такъ твердо говоря,
Что часъ побѣды недалекъ?
Быть можетъ, въ близкихъ дняхъ, въ незримости, возникъ
Не свѣтлый мигъ, о, нѣтъ, двойникъ
Девятаго, такого жь, Января?

О, нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ. Друзья, клянитесь мнѣ.
Скажите: Всѣ ли мы не спимъ?
Скажите: Точимъ ли ножи мы въ тишинѣ?
Скажите: Отданъ ли приказъ сторожевымъ?
Убитый часто былъ убитъ въ глубокомъ снѣ.
Клянитесь же себѣ и мнѣ,
Клянитесь не отдаться имъ,
Врагамъ Свободы вѣковымъ.
Пусть рой ихъ не захватитъ насъ
Безсильными въ обманный часъ.
Свергать ли намъ Царя? Онъ свергнутъ. Нѣтъ его.
Онъ—кукла, призракъ, тѣнь позора своего.
Я не о немъ. Но много ихъ,

Враговъ, враговъ, враговъ живыхъ,
Чья волчья пасть готова съѣсть
Всѣхъ тѣхъ, въ комъ искра Правды есть.
Не спите, братья. Жутко мнѣ.
Не за себя, но, весь въ огнѣ,
Я говорю вамъ: Бойтесь Тьмы.
Враги идутъ. Готовы ль мы?
Подходитъ—Быть или не быть.
Намъ надо Звѣря истребить.

ПОЗАБЫТЫЯ СТРОКИ.

Я нашелъ въ листкахъ забытыхъ
Эти строки—Страшный срокъ—
Символъ дней давно отжитыхъ,
Жизней, мыслей, сновъ разбитыхъ.—
Есмь, какъ былъ я, одинокъ.
Я предвидѣлъ, зналъ навѣрно
Все, что будетъ—быть должно.
Дни уходятъ равномѣрно,
Я одинъ упалъ на дно.
Да, я зналъ, но я съ бойцами
Братскимъ словомъ говорилъ,
Вѣрилъ я, что ихъ дѣлами
Будетъ спугнутъ мракъ могилъ,
Такъ хотѣлось жить мнѣ снами,
Думать, будто ихъ глазами,
Ихъ живыми голосами
Опровергнутъ буду я.
Нѣтъ, сбылась тоска моя.
Тѣ, которые твердили,
Что враговъ почти что нѣтъ,
Уступили грубой силѣ,
И ушли... „Прощай, поэтъ.“
Что жь, прощайте. Я прощаюсь.
Я одинъ упалъ на дно.
Но свершить я обѣщаюсь
То, что мнѣ, лишь мнѣ дано.

ГДѢ МЕСТЬ?

Мы были вмѣстѣ. Врагъ нашъ былъ громаденъ.
Но противъ числъ имѣли числа мы,
И блески молній противъ тьмы,
И гнѣвъ красивыхъ противъ низкихъ гадинъ.
Я говорилъ:—„Спѣшить ли намъ съ борьбой?
Иль въ тишинѣ вѣрнѣй ударъ готовить?"—
Но вы сказали:—„О, пѣвецъ! Лишь пой.
Мы побѣдимъ. Врагъ побѣжитъ гурьбой.
Ты—пой. Умѣй мятежность славославить.
Ты пѣсню лучше вѣдаешь, чѣмъ мечъ.
Шутя, мы съ перваго удара
Весь вражій станъ сметемъ въ огняхъ пожара!"—
О, не всегда возможно остеречь!
Предостеречь—до вѣрнаго мгновенья—
Такъ жаждалъ я. Сказали мнѣ:—„Молчи.
Не говори. Иль пой. Умножь стремленье.
Отточены у насъ мечи.
Готовы мы, готовы для отмщенья.
Любой изъ насъ костромъ сверкнетъ въ ночи!"—
И я запѣлъ. И ярко было пѣнье.
И клялся я, что буду вѣренъ вамъ.
Сказалъ:—„Не измѣню. Но смерть врагамъ.
Иль месть—отъ побѣжденныхъ. Месть, а тамъ—
Будь то, что будетъ. Или вамъ—презрѣнье.
Кто поднялъ мечъ, кто бой начать умѣлъ,
Пусть побѣдитъ, иль въ мщеньи будетъ смѣлъ."

Ну, что жь? Не пѣлъ ли я? Такъ пѣть не можетъ
Никто другой.
Мой стихъ звучитъ, какъ звукъ волны морской.
Но пѣсня въ пораженьи не поможетъ.
А вы сошлись опять на звоны словъ?
Вамъ блескъ стиха—пріятнѣй взмаха стали?
Ужь не поплакать ли намъ вмѣстѣ отъ печали,
Меланхолически, что мы слабѣй враговъ?
Мы связаны. Гдѣ месть? Гдѣ наше мщенье?
Вожди борцовъ! Вашъ пылъ довольно малъ.
Я жду—отъ васъ достойнаго свершенья.
Не отъ себя. Что я сказалъ, сказалъ.

ДО КОНЦА.

Горятъ огни, шумятъ станки,
Гудятъ станки фабричные.
Не въ силахъ я терпѣть тоски.
Былъ братъ,—убитъ. Другимъ—цвѣтки.
А намъ—гроба кирпичные.

Могильный сводъ фабричныхъ стѣнъ.
Въ вискахъ—удары молота.
Въ плѣну мы здѣсь. И ты взятъ въ плѣнъ.
Убитъ за грѣхъ чужихъ измѣнъ.
И все въ умѣ расколото.

Былъ братъ,—убитъ. Мой братъ убитъ.
И все? Гудокъ? Гудѣніе?
О, братъ за брата отомститъ!
Прощай, станокъ. Душа болитъ.
Иду. Есть правда:—Мщеніе!

НЕИЗБѢЖНОСТЬ.

Убійства, казни, тюрьмы, грабежи,
Сыскъ, розыскъ, обыскъ, щупальцы людскія,
Сплетенія безсовѣстнѣйшей лжи,
Слова—одни, и дѣйствія—другія.

Романовы съ холопскою толпой,
Съ соизволенья всѣхъ, кто сердцемъ низокъ,
Ведутъ, какъ скотъ, рабочихъ на убой.
Разъ, два, конецъ. Но часъ расплаты близокъ.

Есть точный счетъ въ теченіи всѣхъ дней,
Движенье въ самой сущности возвратно.
Кинь въ воздухъ кучу тяжкую камней,
Тебѣ ихъ тяжесть станетъ вмигъ понятна.

Почувствуешь убогой головой,
Измыслившей подобныя забавы,
Что есть порядокъ въ жизни міровой,
Ты любишь кровь — ты вступишь въ сонъ кровавый.

Изъ крови, что излита, встанетъ кровь,
Жизнь хочетъ жить, къ казнящимъ — казнь сурова.
Скорѣе, Жизнь, возмездіе готовь,
Смерть Смерти, и да будетъ живо Слово!

ЗАВѢТЪ.

Не забывайте обидъ вѣковыхъ,
Мучимой раненой чести.
Я зажигаю сверкающій стихъ,
Полный дрожанія мести!

Я научу васъ, какъ вѣрныхъ моихъ,
Духомъ быть съ пламенемъ вмѣстѣ.
Не забывайте обидъ вѣковыхъ.
Мести насильникамъ, мести!

Взрывомъ вулкана ударимъ мы въ нихъ,
Звуками вражеской вѣсти.
Я возношу торжествующій стихъ.
Мести насилію, мести!

РУССКОМУ РАБОЧЕМУ.

Рабочій, только на тебя
Надежда всей Россіи.
Тяжелый молотъ палъ, дробя
Оплоты вѣковые.
Тотъ молотъ—твой. Пою тебя,
Во имя всей Россіи!

Ты зналъ нужду, ты знаешь трудъ,
Ты слишкомъ знаешь голодъ.
Но ты возсталъ. Съ тобой идутъ
Всѣ тѣ, кто сердцемъ молодъ.
Будь твердъ, яви еще свой судъ,
Острогъ не весь расколотъ.

Тебя желаютъ обмануть,
Опять, опять, и снова.
Но ты намъ всѣмъ намѣтилъ путь,
Далъ всѣмъ свободу слова.
Такъ въ бой со тьмой, и грудь на грудь,
То—зовъ Сторожевого.

Сторожевой средь темноты,
Сторожевой средь ночи—
Лишь ты, безстрашно-смѣлый, ты,
Твои намъ свѣтятъ очи.
Осуществятся всѣ мечты,
Ты побѣдишь, Рабочій!

ПОЭТЪ РАБОЧЕМУ.

Я Поэтъ, и былъ Поэтъ,
И Поэтомъ я умру.
Но видалъ я съ дѣтскихъ лѣтъ
Въ окнахъ фабрикъ поздній свѣтъ,
Онъ въ умѣ оставилъ слѣдъ,
Этотъ слѣдъ я не сотру.

Также я слыхалъ гудокъ,
Въ полдень, въ полночь, поутру.
Хорошо я знаю срокъ,
Какъ великъ такой урокъ,
Я гудокъ забыть не могъ,
Вотъ, я звукъ его беру.

Почему теперь пою?
Почему не раньше пѣлъ?
Пѣлъ и раньше пѣснь мою,
Я литейщикъ, формы лью,
Я кузнецъ, я стихъ кую,
Пѣлъ, что молодъ я и смѣлъ.

Былъ я занятъ самъ собой,
Что жь, я это не таю.
Часъ прошелъ. Вотъ, часъ другой.
Предо мною валъ морской,
О, Рабочій, я съ тобой,
Бурю я твою пою!

КЪ РАБОЧЕМУ.

Рабочій, странно мнѣ съ тобою говорить:—
По виду я—другой. О, вѣрь мнѣ, лишь по виду.
Въ фабричномъ грохотѣ свою ты крутишь нить,
Я въ нить свою, мой братъ, вкручу твою обиду.

Оторванъ, какъ и ты, отъ тишины полей,
Которая душѣ казалася могильной,
Я въ шумномъ городѣ, среди чужихъ людей,
Неразъ изнемогалъ въ работѣ непосильной.

Я былъ какъ бы чужой въ своей родной семьѣ,
Межъ торгашами словъ я былъ чужой безспорно.
По Морю вольному я плылъ въ своей ладьѣ,
А Море ширилось, безбрежно, кругозорно.

Мнѣ думать радостно, что прадѣды мои
Блуждали по морямъ, на Сѣверѣ туманномъ.
Въ моей душѣ всегда поютъ, журчатъ ручьи,
Ростутъ, чтобъ въ Море впасть, въ стремленьи необманномъ.

Въ болотныхъ низостяхъ ликующихъ мѣщанъ
Тоскуетъ вольный духъ, безумствуетъ, мятется.
Но тотъ отмѣченный, кто помнитъ—Океанъ,
Освобожденья ждетъ, и бури онъ дождется.

Она скорѣй пришла, чѣмъ я бы думать могъ:
Ты всталъ—и грянулъ громъ, всѣ вышли изъ преддверья.
На перекресткѣ всѣхъ скрестившихся дорогъ
Лишь къ одному тебѣ я чувствую довѣрье.

Я знаю, что въ тебѣ стальная воля есть,
Недаромъ ты стоишь близь пламени и стали.
Ты въ судьбахъ Родины сумѣлъ слова прочесть,
Которыхъ мудрые, читая, не видали.

Я знаю, можешь ты соткать красиво ткань,
Разъ что задумаешь, такъ выполнишь что надо.
Ты мирныхъ пробудилъ, ты трупу молвилъ: „Встань“,
Трупъ—живъ, идутъ борцы, встаетъ, ростетъ громада.

Кругами мощными ростетъ водоворотъ,
Напрасны лепеты, напрасны вопли страха:
Теперь ужь онъ въ себя все, что кругомъ, вберетъ,
Осуществитъ себя всей силою размаха.

БЫТЬ МОЖЕТЪ.

Быть можетъ, мы разны не только по виду,
Быть можетъ я вовсе другой.
Не знаю. Но знаю, что счелъ я своей незабвенной—обиду
Твою,
И ее пропою,
И этой обидой мы связаны вмѣстѣ,
Какъ голосомъ тайны, для насъ дорогой,
И этой обидой, и жаждою мести—
Мы вмѣстѣ, мы вмѣстѣ, въ пустынѣ морской,
Число нашихъ лодокъ огромно, несчетно,
И мы ударяемъ весломъ,
И въ разныхъ ладьяхъ мы плывемъ быстролетно,
Но кончится путь—на прибрежьи одномъ.
И въ часъ, какъ на берегъ пристанемъ мы розно,
Быть можетъ, тебѣ не припомнюся—я,
Но сладко мнѣ знать, что побѣдно и грозно
Промчится крылатая стая твоя!

РАБОЧЕМУ РУССКОМУ СЛАВА.

Рабочему Русскому—слава!
Во имя родного Народа,
Онъ всѣмъ возвѣстилъ, что Свобода
Людское священное право.
Рабочему Русскому—слава!

О, Рабочій, ты вырвалъ испуганный крикъ
У Насилья, чьи дни сочтены.
Задрожалъ этотъ рабій монаршій языкъ
Предъ напоромъ народной волны.
Онъ бормочетъ, лопочетъ, но дни сочтены,
Все освѣтитъ сіянье Весны.

Еще снова и снова нахлынутъ на насъ
Роковые потемки Зимы.
Но ужь красныя зори намѣтили часъ,
Колыхнулись всѣ полчища Тьмы.
Будемъ тверды, не сложимъ оружія мы
До сверженія вражьей Чумы.

Рабочему Русскому—слава!
Во имя родного Народа,
Онъ всѣмъ возвѣстилъ, что Свобода
Людское священное право.
Рабочему Русскому—слава!

ЗЕМЛЯ И ВОЛЯ.

„Земля и Воля“—крикъ Народа,
„Земля и Воля“—кличъ крестьянъ.
„Все—заново, и всѣмъ—Свобода“,
Рабочій крикнулъ сквозь туманъ.
„Все—заново, и всѣмъ—Свобода“,
Какъ будто вторитъ Океанъ.

Мнѣ чудится, что бурнымъ ходомъ
Идетъ приливная волна.
Конецъ—тюремнымъ низкимъ сводамъ,
Въ тюрьмѣ разрушена стѣна.
Судьба Россіи всѣмъ Народомъ
Теперь должна быть рѣшена.

Крѣпчаетъ, воетъ непогода,
Но умъ Рабочаго—маякъ.
Въ Землѣ и Волѣ—жизнь Народа,
Опять душить не сможетъ мракъ.
Все—заново, и всѣмъ—Свобода.
Да будетъ такъ. Да будетъ такъ.

ЦАРЬ-МОРОЗЪ.

Царь-Морозъ крутитъ пушинки,
Строитъ замки изо льда,
Блестки, капельки, снѣжинки
Превращаетъ въ города,
Оттого что у Мороза
Какъ кристаллъ прозрачна греза,
Ну, а воля ужъ тверда.

Много въ мірѣ есть пушинокъ,—
Мысли, помыслы людей,
Наши слезы—отсвѣтъ льдинокъ,
Каждый малъ въ судьбѣ своей,
Но, принявъ рѣшенье гордо,
Слившись, будемъ слиты твердо,—
Побѣдимъ мы всѣхъ царей.

ГУННЫ.

Гунны жили на коняхъ,
Въ сѣдлахъ ѣли, спали, пили,
Между битвами любили,
Въ кратковременныхъ пирахъ,
Про дома же говорили:
Въ домѣ быть—то быть въ могилѣ.
Гунны жили въ быстрыхъ дняхъ,
Пронеслись какъ бы во снахъ,
Но донынѣ въ полной силѣ
Этотъ зовъ не быть въ стѣнахъ:
Въ домѣ быть—то быть въ могилѣ.

ПРЕСТУПНОЕ СЛОВО.

Кто будетъ говорить о словѣ примиренья,
Покуда въ тюрьмахъ есть сходящіе съ ума,
Тотъ долженъ самъ узнать весь ужасъ заключенья,
Понять, что вотъ, кругомъ, тюрьма.

Почувствовать, что умъ, въ тебѣ горѣвшій гордо,
Сталъ робко ищущимъ усладъ хоть въ безднѣ сна,
Что стерлась музыка, до крайняго аккорда,
Стѣна, стѣна, и тишина.

Кто будетъ говорить о словѣ примиренья,
Тотъ предаетъ себя и предаетъ другихъ,
И я ему въ лицо, какъ яркое презрѣнье,
Бросаю хлещущій мой стихъ.

ПѢСНЬ ПОЛЬСКАГО УЗНИКА.

(**Adam Mickiewicz, Dziady, III.**)

Nie dbam jaka spadnie kara.
Felix.

Какому бъ злу я ни былъ отданъ, —
Рудникъ, Сибирь, — о, пусть. Не зря
Я буду тамъ: я вѣрноподданъ,
Работать буду для Царя.

Куя металлъ, вздымая молотъ,
Во тьмѣ, гдѣ не горитъ заря,
Скажу: пусть тьма, пусть вѣчный холодъ,—
Топоръ готовлю для Царя.

Татарку выберу я въ жены,
Татарку въ жены, говоря:
Быть можетъ, выношенъ, какъ стоны,
Родится Паленъ для Царя.

Когда въ колоніяхъ я буду,
Я огородъ себѣ куплю,
И каждый годъ, повѣря чуду,
Ленъ буду сѣять, коноплю.

Изъ конопли сплетутся нити,
Въ нихъ серебро мелькнетъ, горя,
Къ нимъ, можетъ, честь придетъ — о, ждите:
То будетъ шарфомъ для Царя.

ПѢСНЬ КРОВИ.

(Dziady, III).

Piesn ma byla juz w grobie, juz chlodna.

Konrad.

Пѣснь моя ужь въ могилѣ была, ужь холодной,
Кровь почуяла, вотъ, изъ земли привстаетъ,
Смотритъ вверхъ, какъ вампиръ, крови ждущій, голодный
Крови ждетъ, крови ждетъ, крови ждетъ.
Мщенья, мщенья! Гдѣ врагъ, тамъ берлога.
Съ Богомъ—пусть даже, пусть и безъ Бога!

Пѣснь сказала: пойду я, пойду ввечеру,
Буду грызть сперва братьевъ, имъ дума моя,
Тотъ, кого я когтями за душу беру,
Пусть вампиромъ предстанетъ, какъ я.
Мщенья, мщенья! Гдѣ врагъ, тамъ берлога.
Съ Богомъ—или хотя бы безъ Бога!

Мы потомъ изъ врага выпьемъ кровь—будемъ пить,
Его тѣло разрубимъ потомъ топоромъ,
Его ноги намъ нужно гвоздями пробить,
Чтобъ не всталъ, какъ вампиръ, съ жаднымъ сномъ.

И съ душою его мы пойдемъ въ самый Адъ,
Всѣ мы разомъ усядемся тамъ на нее,
Чтобъ безсмертье ея удушить, о, стократъ,
И пока будетъ жить, будемъ грызть мы ее.
Мщенья, мщенья! Гдѣ врагъ, тамъ берлога,
Съ Богомъ—пусть даже, пусть и безъ Бога!

ВСАДНИКЪ СЪ МЕЧОМЪ.

(Памяти Безсмертнаго).

Всадникъ съ мечомъ на конѣ,
Гербъ незабвенной Литвы,—
Какъ это нравится мнѣ,
Всадникъ съ мечомъ на конѣ.
Гдѣ же, воители, вы?

Гдѣ же, созвучные, вы?
Или все это—во снѣ?
Моремъ зеленой травы
Ѣдетъ въ просторахъ Литвы
Всадникъ съ мечомъ на конѣ.

Латы горятъ, какъ въ огнѣ.
Встаньте же, братья, и вы.
Свѣтъ вамъ несетъ онъ, и мнѣ,
Всадникъ съ мечомъ на конѣ
Польши и древней Литвы.

СЛАВЯНСКІЙ ЯЗЫКЪ.

Чистъ, рѣчистъ языкъ Славянскій былъ всегда,
Чистъ, рѣчистъ, пѣвучъ, какъ звучная вода.

Чутко-нѣженъ, какъ надъ влагою камышъ,
Какъ ковыль, когда въ степи ты спишь—не спишь.

Сладко-дологъ, словно свѣтлыя мечты,
Въ утро Мая, въ часъ когда цвѣтутъ цвѣты.

Поцѣлуйно онъ, лелѣйно онъ лукавъ,
Какъ улыбка двухъ влюбленныхъ въ мигъ забавъ.

А порой, какъ за горою гулкій громъ,
Для врага угроза вѣрной мести въ немъ.

А порой, для тѣхъ чья жизнь одинъ разбой,
Онъ какъ Море, что рокочетъ вперебой.

Онъ какъ Море, онъ какъ буря, какъ пожаръ,
Разъ проснется, рушитъ все его ударъ.

Онъ проснулся, въ рдяномъ гнѣвѣ сны зажглись.
Кто разгнѣвалъ? Прочь съ дороги! Берегись!

БЕЗЪ ОШИБКИ.

У васъ есть сила грязи,
Грязнитесь въ добрый часъ.
А что же есть у насъ?
Послѣднiй крикъ въ разсказѣ,
Есть власть быть сильнымъ въ сглазѣ,
Блестящесть вѣщихъ глазъ.

Вы встали черной тучей,
Веселiе средь васъ,
Вы видите—вашъ часъ.
Судьба дала вамъ случай.
Проснись, палачъ, и мучай,
Будь смѣлъ—въ послѣднiй разъ.

У васъ есть пулеметы,
Являйтесь безъ прикрасъ.
Есть нѣчто и у насъ:
Возможность кончить счеты.
Исчерпаны всѣ льготы.
Мы—вашъ послѣднiй часъ.

КРАСНЫЯ КАРТЫ.

Неизбѣжно гильотина
Проблистала—оттого,
Что была чрезмѣрна тина,
И въ умѣ у Властелина,
Кромѣ рабства, ничего.

Неизбѣжной стала плаха
И для нашего Царя.
Въ царствѣ грязи, въ царствѣ страха
Онъ низвергнется съ размаха,
Въ бездну съ ужасомъ смотря.

Неизбѣжно. Слишкомъ много
Влито крови въ черноту.
Лгали нагло и убого.
Правда ждетъ, и правитъ строго,
Всѣ движенья—на счету.

Карты съ красною окраской
Поиграли—есть конецъ.
Мы закрыты красной сказкой,
Мы покрыты кровью вязкой,
Заглянули въ багрянецъ.

Пики, черви, черви, пики,
Бубны, трефы—вся земля.
Долго въ насъ глушили крики,

Но проклятья многолики,—
Мы казнили Короля.

Мы казнили Королеву,
Соучастницу его.
Кто вулканному напѣву
Крикнетъ „Будетъ!"? Взрыву, гнѣву
Кто уменьшитъ торжество?

Пики, черви, черви, пики
Замелькали, говоря.
Вопли мести грозны, дики.
Картъ кровавыхъ страшны лики.
Тузъ—Народъ, и нѣтъ Царя.

МОЛЬБА.

О, я молю тебя, родимый мой Народъ,
Какъ этотъ ужасъ для тебя
Придетъ, воистину придетъ,
Ты пожалѣй ее, и, Женщину любя,
Царицу не включай въ жестоко-правый счетъ.

Да, ты любилъ Царя, но ты его лишенъ,
И ты къ Царю пошелъ, но не было его.
Онъ только сказка, страшный сонъ,
Убійственный мертвецъ, онъ долженъ быть казненъ.
Вампира—въ гробъ. Тутъ—страхъ, но мертвое—мертво.
Разъ воскресить нельзя, будь смертью смерть его.
Вампиръ да будетъ мертвъ. Въ томъ ужасъ, но законъ.

Но, мой Народъ, да будетъ гнѣвъ,
Твой гнѣвъ, Славянскій гнѣвъ, и жалости не чуждъ.
Во имя всѣхъ твоихъ скорбей, терзаній, нуждъ,
Во имя женъ твоихъ и дѣвъ,
Загубленныхъ, въ вѣкахъ, для нихъ,
Кого отмѣтилъ ты и мой звенящій стихъ,
Во имя той тоски, что ты вѣка, не дни,
Терпѣлъ, до гробовой доски скорбя,
Народъ родной, молю тебя,
Ты казнью Женщины себя не оскверни,
И тяжкимъ молотомъ оплотъ тюрьмы дробя,
Въ часъ гнѣва и суда—ты милость вспомяни.

ТЕМНЫМЪ.

Вы меня заставляете вѣдать вражду,
Быть въ гробу, быть во снѣ, жить въ бреду,
Быть въ тяжеломъ угарѣ съ закрытостью глазъ,
И за то проклинаю я васъ.

Отравители, страшенъ вашъ синій угаръ,
Но на чары отвѣтность есть чаръ.
Я вамъ дымное зеркало, мертвой рукой,
Протяну, и убью васъ тоской.

Опрокину въ зеркальность уродство тѣней,
Ваше страшное станетъ страшнѣй.
Въ этомъ дымномъ затонѣ есть вѣщая власть,
Есть возможность безгласно проклясть.

Пусть васъ множество, — имя мое Легіонъ,
Онъ идетъ, и горитъ небосклонъ.
Я здѣсь мертвый лежу, ворожу, ворожу,
Тайну тайнъ никому не скажу.

ЛИКЪ ВОЗСТАВШИ.

Я пройду черезъ стѣны домовъ —
Я войду въ сокровенность сердецъ —
Я возсталъ изъ священныхъ гробовъ —
Я возсталъ, чтобы мстить наконецъ —
Я взлелѣянъ кровавостью сновъ —
Я одинъ мученическій ликъ —
Я возсталъ изъ несчетныхъ гробовъ —
Я возникъ — Я гляжу — Я возникъ —
Я хожу по изгибамъ умовъ —
Я крещу ихъ багрянымъ огнемъ —
Я вѣдунъ заклинательныхъ словъ—
Я убитъ — Мы убиты — Убьемъ —

КРЫЛЬЯ.

Ужь болѣе прощать нельзя,
Губить прощеньемъ духъ не въ силахъ.
Ведетъ уклонная стезя,
И вѣтеръ носитъ длиннокрылыхъ.

По той стезѣ идутъ ряды,
Ряды погубленныхъ навѣки.
Но причастились мы Звѣзды,
И мы ростемъ, и ропщутъ рѣки.

И мы идемъ, и мы летимъ,
Какъ туча—тайныя усилья.
Гдѣ врагъ? За нимъ! За нимъ! Мы мстимъ!
У насъ есть крылья, крылья, крылья.

ДВѢНАДЦАТЫЙ ЧАСЪ

Скоро двѣнадцатый часъ.
Дышутъ морозомъ узоры стекла.
Свѣчи, какъ блески невѣдомыхъ глазъ,
Молча колдуютъ. Сдвигается мгла.
Стынутъ глубинно, и ждутъ зеркала.
Скоро двѣнадцатый часъ.

Взглянемъ ли мы безъ испуга на то,
Что наколдуетъ намъ льдяность зеркалъ?
Кто за спиной наклоняется? Что?
Прерванный пиръ, и разбитый бокалъ.
Что-то мнѣ шепчетъ: „Не то! О, не то!
Жди. И гляди. Есть въ минутахъ — разсказъ.
Нужно разслышать. Постой.
Ты наклоненъ надъ застывшей водой.
Зрѣетъ двѣнадцатый часъ."

Вотъ проясняется льдяность глубинъ.
Городъ, воздвигнутый властной мечтой.
Городъ, съ холодной его нищетой.
Сильные—вмѣстѣ. Безсильный—одинъ.
Слабые—вмѣстѣ, но тяжестью льдинъ
Сильные ихъ придавили, и ледъ
Волосы поднялъ на нищихъ, куетъ
Крышу надъ черепомъ. Снѣжность сѣдинъ.
Тѣни свободныя пляшутъ на льду.
Все замутилось. Постой. Подожду.
Что это въ небѣ? Вонъ тамъ?

Солнце двойное. Морозный просторъ.
Въ Городѣ, тамъ, по церквамъ, по крестамъ,
Солнце бросаетъ обманный узоръ.
Солнце—двойное! Проклятіе намъ!

Кто-то велѣлъ площадямъ,
Улицамъ кто-то велѣлъ
Быть западнями. Какой-то намѣченъ предѣлъ.
Сонмы голодныхъ, возжаждавшихъ душъ.
Сонмы измученныхъ тѣлъ.
Клочья растерзанныхъ. Въ бѣломъ—кровавости лужъ.
Кто-то, себя убивая, въ другихъ направляетъ прицѣлъ.
Дѣти въ узорахъ вѣтвей.
Малыя птицы людскія смѣются подъ рокотомъ пуль.
Садъ—въ щебетаніи малыхъ дѣтей.
Точно—горячій Іюль.
Точно—не льдяный Январь.
„Царь!" припѣваютъ они, и хохочутъ надъ страшными.
„Царь!"
„Сколько намъ пляшущихъ пуль!"
„Царь!" припѣваютъ, и съ вѣтки на вѣтку летятъ.
Святочный праздникъ—для всѣхъ.
Развѣ не смѣхъ?
Вмѣсто листовъ,
Мозгомъ младенческимъ вѣтки блестятъ.
Развѣ не смѣхъ?
Вмѣсто цвѣтовъ,
Улицы свѣжею кровью горятъ.
Сколько утѣхъ! Радость и смѣхъ!
Святочный праздникъ для всѣхъ.

Пляска! Постой!
Больно глазамъ. Ослѣпителенъ блескъ.
Что за звенящій разрывчатый трескъ?
Ледъ разломился подъ жаркой кипящей водой.
Чу! Наводненіе! Городъ не выдержитъ. Скрѣпа его порвалась.
Зеркало падаетъ. Сколько валовъ!
Сколько поклявшихся глазъ!
Это—двѣнадцатый часъ!
Это—двѣнадцать часовъ!

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Цѣна 1 фр.